

Изъ старыхъ дѣлъ ¹⁾.

О сибирской дѣвкѣ Иринѣ Ивановой, имѣвшей въ себѣ
дѣвольское навожденіе.

(Архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Дѣло 1737 г. № 296).

Многія явленія природы, которыя въ старину считались непонятными и чудесными, наука въ настоящее время такъ легко объясняетъ, что происхожденіе ихъ становится понятнымъ даже малообразованному человѣку. Тѣмъ не менѣе есть еще многое, чего не разгадалъ пока пытливый человѣческій умъ. Преимущественно много непонятнаго и неразгаданнаго до сихъ поръ существуетъ въ области психическихъ явленій, изученіемъ которыхъ заняты ученые всего міра. Благодаря популярнымъ изданіямъ, и общество стало интересоваться открытіями въ этой области. Въ особенности общество проявило большой интересъ къ такъ называемымъ оккультнымъ наукамъ. Не только стали съ жадностью поглощаться всѣ, касающіяся этой области, книги, но стали образовываться кружки, цѣлью которыхъ служить добиться на практикѣ разъясненія неразгаданныхъ вопросовъ. Первенствующую роль въ этихъ кружкахъ играютъ медиумы.

Къ сожалѣнію, большинство изъ этихъ медиумовъ или являются шарлатанами и фокусниками, которые, пользуясь легко-вѣріемъ толпы, выдавая себя за оккультистовъ, маговъ и хиромантовъ, и давая разнаго рода представленія и сеансы, легко

См. „Русская Старина“ октябрь 1913 г.

набиваютъ себѣ карманы, или подѣ вліяніемъ гипнотизера говорятъ то, что имъ было ранѣе приказано, во время ихъ усыпленія, или, наконецъ, изъ тщеславія, выдавая себя за сверхчеловѣка, рассказываютъ тѣ изъ своихъ выдуманныхъ фантастичныхъ приключеній, которыя покажутся имъ интересными. Существуютъ, однако, и такія, очень немногія, лица, которыя, дѣйствительно, обладаютъ какимъ-то особеннымъ свойствомъ, особенною психическою чувствительностью, о которыхъ и доктора послѣ ознакомленія съ ними говорятъ, что это феномены. При объясненіи явленій, присущихъ этимъ феноменамъ, взгляды ученыхъ рѣзко раздѣляются. Скептики старой школы утверждаютъ, что это,—страдающіе падучей болѣзью, нервно-психически больные, бреду и галлюцинаціямъ которыхъ публика придаетъ мистическое значеніе. Другіе, къ числу которыхъ принадлежатъ многіе изъ современныхъ западныхъ ученыхъ, прежде чѣмъ сказать свое рѣшительное слово, собираютъ факты объ особенныхъ проявленіяхъ психической жизни человѣка и, приведя ихъ въ систему, даютъ имъ разныя объясненія. Исходя изъ того положенія, что земной шаръ окутанъ электрической энергіей, которая находится и въ организмѣ cadaго человѣка, дѣлается предположеніе, что существуетъ такая же энергія психическая, которая хотя и проявляется также въ организмѣ человѣка, но не у cadaго въ одинаковой степени,—у одного больше, у другого меньше. Благодаря этому, человѣкъ, обладающій выдающимся запасомъ психической энергіи, острѣе и дальше обыкновеннаго человѣка проникаетъ своимъ умомъ въ явленія природы, пріобрѣтаетъ особенную способность не только читать мысли близъ стоящаго человѣка, но чувствовать и психически видѣть на большомъ разстояніи. Существованіемъ психической энергіи объясняютъ явленія такъ называемаго предчувствія и утверждаютъ, что современемъ, когда человѣку удастся уловить законы и этой энергіи, онъ будетъ сноситься съ другими людьми не по беспроволочному, а по психическому телеграфу. Развивая далѣе эту теорію, предполагаютъ, что мозгъ медиума, находящагося въ трансѣ (т.-е. въ такомъ состояніи, когда тѣло впадаетъ въ полубезчувственное состояніе и не реагируетъ на уколы и пр.), сообщается въ это время съ мозгомъ ученаго, богослова и другихъ лицъ, незамѣтно для послѣднихъ, и, благодаря этому обстоятельству, медиумъ начинаетъ высказывать слушателямъ такія истины и рѣчи и на такихъ языкахъ, о которыхъ въ бодрственномъ состояніи онъ никогда и не слышалъ. Не со-

гласные съ этими теоріями, глубоко вѣрящіе въ загробную жизнь, оккультисты утверждаютъ, что медіумъ, исполняя возложенную на него миссію, раскрываетъ для блага человѣка и спасенія души тайны загробной жизни.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что, если, въ настоящее время обнаруживается, что какой-нибудь субъектъ, впадая въ безсознательное состояніе, начинаетъ говорить о сверхчувственныхъ явленіяхъ, его или лѣчатъ, какъ психически больного, или пользуются имъ, какъ медіумомъ. Не такъ смотрѣли на такихъ лицъ въ старину. Какъ относились къ нимъ прежде, яркой иллюстраціей можетъ служить слѣдующее дѣло, хранящееся въ архивѣ Святѣйшаго Синода.

Въ 1737 году, въ г. Томскѣ, въ концѣ города стоялъ домъ, принадлежащій боярскому сыну Алексѣю Иванову Мещерину. Владѣлецъ дома занимался торговыми дѣлами и постоянно разѣзжалъ по разнымъ городамъ Сибири. Пріѣзжалъ онъ домой одинъ разъ въ годъ на короткій срокъ, недѣли на двѣ, и опять уѣзжалъ. Домъ оставался подъ присмотромъ крестьянки Марины Артемьевой, у которой была дочь, Ирина Иванова, 12 лѣтъ. Это было худенькое, болѣзненное созданіе, казавшееся моложе своихъ лѣтъ. Съ восьмилѣтняго возраста она страдала какими-то припадками, происхожденіе которыхъ мать объяснить себѣ не могла. По временамъ дѣвочка теряла сознаніе, изо рта у нея сначала шла пѣна, потомъ какъ бы паръ и наконецъ въ концѣ припадка она начинала говорить грубымъ мужскимъ голосомъ. Когда она приходила въ сознаніе, она утверждала, что она ничего не помнитъ изъ того, о чемъ говорила. Сначала мать мало обращала вниманія на болѣзнь дочери и скрывала отъ сосѣдей, но, когда она замѣтила, что болѣзнь съ годами не уменьшается, а все больше и больше развивается, она стала совѣтоваться съ знакомыми. Изъ любопытства знакомые и сосѣдки стали приходять ежедневно послушать припадочную.

— Я лукавый, и дѣвка, Ирина, скоро меня родить, — вырывался изъ горла дѣвочки мужской голосъ въ отвѣтъ на задаваемые вопросы. Посаженъ я въ утробу Ирины по желанію Василисы Лушаковой. Когда дѣвкѣ было восемь лѣтъ и ея мать уходила на работу, за ней присматривала сосѣдка Василиса. Однажды Ирина очень проголодалась, долго просила дать ей поѣсть и, наконецъ, стала ревѣть. Стиравшая бѣлье, Василиса очень разсердилась, что ее отрываютъ отъ работы. Она выхватила изъ печи горшокъ, плеснула въ чашку щей и подала

Иринѣ. Замѣтивъ, съ какою жадностью она стала ѣсть, Василиса злобно крикнула: „ишь ты жадная! Чтобъ тебѣ проглотить и лукаваго вмѣстѣ со щами!“ Сейчасъ же она меня и проглотила. Съ тѣхъ поръ я и поселился въ ней.

На вопросъ объ его имени, голосъ отвѣчалъ, что его зовутъ Иваномъ Григорьевымъ Мещериннымъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1737 года Алексѣй Ивановъ Мещериновъ возвратился домой. Случайно узнавъ о припадкахъ Ирины, онъ рассказалъ объ этомъ своему знакомому, протоколисту Соколову, который, какъ объ интересной новости, сообщилъ въ Тобольскъ протоколисту Крылову.

Послѣдствія этого письма были неожиданныя. Какъ о важномъ событіи, находившійся въ Тобольскѣ, Сибирскій Приказъ сообщилъ Московской Сенатской Конторѣ, которая не замедлила прислать въ Тобольскъ сибирскому губернатору приказъ о немедленномъ изслѣдованіи дѣла о дѣвольскомъ навожденіи. Приказано было забрать въ Тобольскъ Ирину Артемьеву и всѣхъ свидѣтелей, при которыхъ были разговоры о дѣвольскомъ навожденіи, и „розыскивать, стараясь однако, чтобы отъ оныхъ розысковъ кто-нибудь не померъ, чтобы важное дѣло не могло скрыться“.

Потащили всѣхъ въ Тобольскъ. Ирину велъ отдѣльный пѣшій казакъ Перевозчиковъ. Остановившись какъ-то дорогой переночевать въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, Ирина была помѣщена въ отдѣльной келіи, у дверей которой расположился казакъ Перевозчиковъ. Наступала ночь, и Перевозчиковъ собирался уже было уснуть, какъ вдругъ услышалъ шумъ въ келіи. Онъ пріотворилъ дверь и заглянулъ. Ирина лежала на лавкѣ и грубымъ мужскимъ голосомъ произносила ругательства.

— Чего ты смотришь?!—крикнула она Перевозчикову. Тебѣ велѣно сторожить меня, а здѣсь подъ окнами собралось много народа и хотятъ въ келію. Возьми свой фузей (ружье) и никого не пускай. Я пожалуюсь воеводѣ.

Казакъ вышелъ и увидѣлъ, что нигдѣ никого нѣтъ. Утромъ казакъ доложилъ объ этомъ игуменьѣ, которая тотчасъ же съ келейницами отправилась къ Иринѣ. Не успѣли онѣ войти, какъ Ирина съ крикомъ: „ой, лихо мнѣ!“ бросилась на лавку. Долго она билась и стонала, а потомъ заговорила мужскимъ голосомъ. Говорила много. Наконецъ, обратилась къ келейницѣ, которую видѣла въ первый разъ и имени которой, Ирины, она не могла знать, и сказала: „Ирина, прости меня!“ Послѣ этого

кивнула въ сторону игуменьи и опять проговорила: „матушка, прости!“

— Ты чего же прощается? Идешь куда?—спросила игуменья.

— Я иду въ воду. Прикажи отворить двери.

Двери отворили. У, продолжавшей лежать на лавкѣ, Ирины расширились глаза, и она забилась. Изъ рта появилась мокрота и какъ бы паръ. Ирина стихла. Животъ, который у нея всегда былъ вздутъ, опалъ. Она приподнялась и стала оглядывать всѣхъ испуганными глазами.

— Что съ тобою было? Что ты чувствовала?—спросила у нея игуменья.

— Я чувствовала,—отвѣтила Ирина,—что у меня вышла изъ рта какъ бы мокрая курица.

Съ этого момента припадки у Ирины Артемовой прекратились.

По доставленіи Ирины Артемьевой и всѣхъ свидѣтелей въ Тобольскъ, прежде всего занялись Ириной. Такъ какъ было предписано узнать, раздается ли у Ирины мужской голосъ „черезъ отверстія уста или черезъ утробу пронизательно“, ее освидѣтельствовали и записали, что „имѣется ли у ней въ утробѣ дѣвольское навожденіе, того познать невозможно“. Потомъ записали показанія Ирины Артемьевой и всѣхъ свидѣтелей.

Пока производили разслѣдованіе, пришелъ указъ изъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ. Предписывалось Ирину Артемьеву въ застѣнокъ и разспросить „съ пристрастіемъ накрѣпко“ о томъ, кто именно и съ какимъ намѣреніемъ научилъ ее „на такое вымышленное дѣло“ и какую она имѣла въ виду извлечь изъ этого выгоду для себя“. Буде же, добавлялъ указъ, и въ застѣнкѣ будетъ дѣло, какъ истинное, утверждать, тогда, поднявъ на дыбу, вмѣсто кнута за несовершеннolѣтіемъ, бить розгами; а буде и потомъ, когда отъ болѣзни послѣ розыску свободу получить, двукратно розыскивать“.

Мещеринова также приказано было разспросить въ застѣнкѣ.

Послѣ перваго же наказанія розгами, Ирина Артемьева заявила, что у нея никакого дѣвольскаго навожденія не было, что ее никто не научалъ и что она притворялась по глупости.

Черезъ двѣ недѣли послѣ пытки Ирина изъ больницы опять была приведена въ застѣнокъ, но, такъ какъ она подтвердила показаніе, данное подъ розгами, ее больше не сѣкли.

Какая была дальнѣйшая участь Ирины Артемьевой, изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ Святѣйшаго Синода, не видно.

М. Ф. Чулицкій.